

стиля во всех трех частях повести, а потому нет оснований и для того, чтобы предполагать участие в написании ее более чем одного автора. Если в третьей ее части гораздо больше описаний сражений, чем в первых двух, то это обуславливается самим содержанием описываемых в этих частях событий и фактов. Что касается картин природы, то в любом произведении необязательно присутствие их во всех его частях. Если те и другие считать «украшениями», то они естественно вытекают из самого материала повествования, а не из преднамеренного стремления к украшательству самому по себе в какой-либо из частей повести. Если влияние стиля «Троянской истории» Гвидо де Колумна сказалось в большей степени в третьей части, чем в двух первых, то это потому, что влияние это обнаруживается преимущественно в описании сражений, которые тут значительно преобладают по сравнению с первой и второй частями; что же касается однообразия художественных приемов в третьей части, то, судя по приведенным выпискам, то же однообразие, устойчивость словесных формул мы найдем и в первых двух частях, и нет оснований считать, что здесь это носит «случайный характер», как полагает О. А. Державина.

По словам О. А. Державиной, в третьей части повести, в отличие от того, что мы находим во «Временнике» Ивана Тимофеева или в «Сказании» Авраамия Палицына, исторические факты объясняются не внутренними причинами, их породившими, а пресловутым вмешательством дьявола, что якобы лишний раз свидетельствует о бедности языка автора этой части, об отсутствии в ней конкретных, живых деталей, о преобладании тут традиционного шаблона. Но ведь и в первой части о Борисе Годунове говорится, что он «прелщен бысть от самого богоненавидимаго дьявола» (564), а поведение Грозного и нашествие на Русь польского короля объясняются карой божьей за грехи русского народа и самого Грозного. Во второй части сказано, что первый самозванец тоже «прелщен бысть от дьявола» (568), царевич Дмитрий умерщвлен был Борисом Годуновым «богу попушающе за многиа грехи наша, а дьяволу действующу» (568). О первом самозванце здесь еще сказано: «и вниде же в того священного мниха сатана и обеща ему царствующий град поручити» (569), «Той же чернец, по научению дьяволу, отщетив свою душу...» (569), «по научению дьяволу» он рассказывает воеводе Сандомирскому, как он спасся от смерти, на которую обрек его Годунов (570), «Лукавый же бес вложи мысль сию в сердца всем человеком, да мнят вси людие существенно быти царевича Дмитрея оного Ростригу» (575).

Существенное различие между третьей частью повести и двумя предыдущими О. А. Державина видит и в их идейной направленности. В первой и второй частях, по взгляду автора, «нет той идейной бесхребетности, которая свойственна последней части». Уже с самого начала, как указывает О. А. Державина, излагаются исторические события, а не описываются одни лишь сражения, дается суровая характеристика Грозного, Годунова и первого самозванца, чего мы не встретим в последней части, где найдем только лирическое обращение к московским гражданам по поводу избиения москвичей поляками, да и то построенное при помощи шаблонных выражений и стилистических приемов.

Но совершенно понятно, почему рассказ об исторических событиях, приведших к «Смуте», и обличение исторических лиц, виновных в ее происхождении, присутствуют в первых двух частях повести и отсутствуют в последней: вначале естественно было дать историческое введение, объясняющее последующие горестные факты «Смутного времени»,